

Объ измѣнѣ Богдана Хмельницкаго московскому царю.

Занимаясь въ „Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ“, мы случайно наткнулись на дневникъ московскаго посла Ивана Желябужскаго. Этотъ документъ, кажется, не попадался въ руки ни одному изъ нашихъ историковъ, занимавшихся исторіей Малороссіи, а между тѣмъ историческія данныя, заключающіяся въ немъ, представляютъ особенный интересъ для историка: они проливаютъ совершенно новый свѣтъ на отношенія Богдана Хмельницкаго къ Московскому государству и на послѣдній годъ его жизни и дѣятельности.

Въ настоящей замѣткѣ мы намѣрены передать относительно знаменитаго гетмана главнымъ образомъ только то, что непосредственно находимъ въ вышеупомянутомъ нами документѣ. Впрочемъ, чтобы наша замѣтка не вышла слишкомъ голымъ сообщеніемъ однихъ фактовъ, а равнымъ образомъ и для уясненія читателю смысла и значенія тѣхъ новыхъ данныхъ, которыя встрѣчаемъ въ дневникѣ Желябужскаго, мы считаемъ нужнымъ сказать или напомнить о нѣкоторыхъ предшествующихъ событіяхъ изъ жизни и дѣятельности казацкаго гетмана.

Московское правительство, видя явное нежеланіе Богдана Хмельницкаго дѣйствовать рѣшительно противъ поляковъ, въ концѣ сентября 1656 года заключило миръ съ Польшей. По договору, постановленному въ Вильнѣ, Рѣчь Посполитая обязывалась, послѣ смерти Яна Казимира, избравъ на польскій престолъ московскаго царя, а послѣдній долженъ былъ защищать Польшу отъ ея враговъ и немедленно обратить оружіе противъ шведовъ. Кромѣ поведенія казацкаго гетмана, къ заключенію мира съ Польшей побуждала московскаго царя и начавшаяся въ маѣ этого года война съ шведскимъ королемъ Карломъ Густавомъ.

Что же дѣлалъ въ это время Хмельницкій? Какое онъ принялъ положеніе въ отношеніи Московскаго государства послѣ этихъ событій?

Достоверные документы свидѣтельствуютъ, что гетманъ нисколько не заботился объ интересахъ Московскаго государства: онъ не обращалъ никакого вниманія на виленьскій договоръ своего государя съ Польшей и на отношенія послѣдняго къ шведамъ. Будучи поданнымъ московскаго царя, Богданъ Хмельницкій естественно долженъ былъ бы помогать ему въ войнѣ со шведами, а между тѣмъ онъ уже въ 1656 году предлагалъ шведскому королю Карлу Густаву десять тысячъ казаковъ на помощь, какъ это видно изъ письма пана Радзѣвскаго. „Король шведскій благодаренъ за ту приязнь, писалъ Радзѣвскій къ Хмельницкому, которую показываетъ къ нему ваша милость и когда будетъ нуждаться въ вашей помощи, то чрезъ меня объявить вамъ. А теперь, благодаря тому, что вся Рѣчь Посполитая признала короля за своего пана, посылка съ вашей стороны десяти тысячъ казаковъ пока не нужна. Но король обѣщаетъ не отгонять васъ и все запорожское войско отъ своей панской обороны и милости“. Однако, вскорѣ послѣ этого, успѣхъ московскаго оружія въ войнѣ со шведами заставилъ Карла Густава обратиться къ содѣйствію казацкаго гетмана. Лѣтомъ 1656 года въ Чигиринѣ явился Грондскій въ качествѣ посла со стороны шведскаго короля и предложилъ Хмельницкому вступить въ лигу со шведами и трансильванскимъ княземъ Рагоци. Богданъ согласился на предложеніе Грондскаго и немедленно отправилъ своихъ пословъ—судью Самойла Богданова и генеральнаго обознаго Ковалевскаго въ Семиградъ къ Рагоци. Кромѣ казацкихъ пословъ туда прибыли послы турецкіе, татарскіе, отъ господарей молдавскаго и валахскаго, отъ бранденбургскаго курфюрста, польскіе отъ тѣхъ пановъ, которые желали имѣть Рагоци своимъ королемъ, и, наконецъ, шведскіе.

Сначала между Рагоци, Хмельницкимъ и господарями состоялся въ сентябрѣ мѣсяцѣ предварительный договоръ, ибо шведскіе послы прибыли въ Семиградъ только къ концу этого года. По этому договору союзники обязывались жить въ неразрывномъ братствѣ и помогать войсками

каждому союзнику противъ непріятелей по первому его требованію. Уже этотъ союзъ Хмельницкаго шелъ въ разрѣзъ съ политикою правительства Алексѣя Михайловича, а косвеннымъ образомъ даже былъ враждебенъ интересамъ Московскаго государства. Но несравненно важнѣе въ данномъ случаѣ былъ тотъ тройственный договоръ между Швеціей, Трансильваніей и Хмельницкимъ о раздѣлѣ Польши, который заключенъ былъ въ томъ же Семиградѣ въ началѣ слѣдующаго года. По послѣднему договору, союзники, кромѣ того, что составили проектъ раздѣла Польши, осуществленный только при Екатеринѣ II, обязались всѣ сообща воевать Московское государство. „Всѣ послы, кромѣ турецкаго, доносили изъ Семиграда царю Алексѣю, обѣщались воевать Москву“.

Въ это же время окончательно рѣшенъ между вышеупомянутыми союзниками и вопросъ о польской коронѣ. Богданъ Хмельницкій еще въ началѣ своего возстанія противъ поляковъ предлагалъ Рагоци завладѣть Польшею, вступить на польскій престолъ и принять Украину подъ свое покровительство, но недостатокъ средствъ и собственная нерѣшительность трансильванскаго князя не позволили осуществить тогда этотъ планъ. Теперь же въ пользу Рагоци обязались дѣйствовать вмѣстѣ съ Хмельницкимъ и шведскій король, господарь молдавскій и валахскій и, наконецъ, многіе изъ самихъ польскихъ пановъ. Но мы выше говорили, что по виленьскому трактату Рѣчь Посполитая, послѣ смерти Казимира, должна была вручить польскую корону московскому царю, а послѣдній обязывался защищать Польшу отъ вѣнскихъ враговъ, какъ свое будущее достоинствѣ. Поэтому семиградскіе союзники могли осуществить свои замыслы только силою, и вооруженное столкновение ихъ съ московскимъ царемъ было неизбежно.

Предвидя неизбежность войны съ Московскимъ государствомъ, Богданъ велѣлъ укрѣплять свои города и готовить въ нихъ всякіе запасы, а казакамъ приказалъ быть готовыми къ походу. Что гетманъ приготовлялся воевать не только поля-

ковъ въ пользу Рагоци, но и Московское государство, какъ было постановлено между союзниками въ Семиградѣ, это видно изъ того, что онъ приказалъ укрѣплять именно тѣ украинскіе города, которые были на границѣ московскихъ владѣній. Дворянинъ Желябужскій доносилъ Алексѣю Михайловичу: „Когда я прїѣхалъ въ Стародубъ, писалъ онъ государю, то стародубскій войтъ, прїшедши ко мнѣ, говорилъ: намъ теперь отъ гетмана Богдана Хмельницкаго постоянно приходятъ листы съ приказаніями, чтобы во всѣхъ городахъ и крѣпостяхъ имѣть военные запасы и мы пороку купили 270 пудовъ, а болѣе того не могли купить; а отъ кого крѣпятся, того мы не вѣдаемъ. Цѣловали мы крестъ государю, а владѣть нами гетманъ и мы отъ владѣнія его въ конецъ погибнемъ, да и ему, государю, отъ него добра не будетъ“. Одинъ московскій агентъ, посланный на Украину „для провѣдыванія вѣстей“ о намѣреніяхъ Хмельницкаго, слышалъ тамъ такіе рассказы. „Гетманъ умышляетъ неправду учинить и отъ государской милости отступить, да писарь, а съ нимъ небольшіе начальные люди. Только де казаки и черные люди на такую неправду имъ не помогаютъ и хотятъ быть подъ государевою рукою. Когда рѣка Днѣпръ станетъ и ему гетману военный снарядъ весь перевезти въ Переяславль (ближе къ московской границѣ), а казакамъ де велѣлъ быть готовыми къ походу“.

Словомъ, на Украинѣ было общее убѣжденіе въ томъ, что Хмельницкій вмѣстѣ съ нѣкоторыми старшинами предпринимаетъ что-то недоброе противъ московскаго царя и уже въ это время слышался глухой протестъ народа противъ замысловъ гетмана. Къ разрыву съ Московскимъ государствомъ Хмельницкій рѣшился не вслѣдствіе примиренія Алексѣя Михайловича съ Польшею, не вслѣдствіе виленьскаго трактата, какъ онъ объяснялъ на радѣ въ Чигиринѣ своимъ полковникамъ (объ этомъ рассказывалъ полковникъ Ждановичъ Желябужскому); на это онъ рѣшился гораздо ранѣе и приготовлялся исподволь съ самаго 1654 года. Этими только и можно объяснить его явное нежеланіе воевать (въ 1654 и 55 г.)

польскіе города вмѣстѣ съ московскими воеводами (см. донесенія Бутурлиныхъ). При этомъ понятно и то, почему онъ писалъ въ польскіе города, чтобы они не сдавались на государево имя, а только на имя его—гетмана; почему онъ приказалъ зятю своему Ивану Нечаю выгнать изъ нѣкоторыхъ литовскихъ городовъ московскіе гарнизоны и поставилъ свои казацкіе и проч.

Приготовляясь такимъ образомъ къ войнѣ съ Московскимъ государствомъ и Казимиромъ, гетманъ убѣждалъ и своихъ союзниковъ твердо держаться постановленнаго договора и увѣрялъ ихъ въ своемъ постоянствѣ и непоколебимости.

„Ваше королевское величество, писалъ онъ шведскому королю въ началѣ 1657 года, не сомнѣвайтесь въ твердости моего духа, но будьте увѣрены, что меня не поколеблютъ никакія лестныя предложенія и не отклонятъ отъ исполненія обѣщаній, изъясненныхъ вашему величеству во многихъ моихъ письмахъ.“

.... Ваше свѣтлѣйшее королевское величество не испытаете со стороны моей ни малѣйшаго непостоянства: ибо я самъ ненавижу вѣроломныхъ и во всѣхъ обстоятельствахъ найдете во мнѣ чистосердечную вѣрность, отличающую любителей честности. Желая вашему королевскому в—ву вожделѣннаго здравія и благопріятныхъ во всемъ успѣховъ, предлагаю мою искреннюю готовность къ услугамъ“.

Это письмо писано уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны Московскаго государства съ Швеціей. Изъ него видно, въ какихъ дружественныхъ отношеніяхъ стоялъ Богданъ Хмельницкій ко врагу московскаго царя. Объ этомъ знали и въ Москвѣ. Путивлецъ Мисковъ доносилъ государю: „Какъ былъ нынѣ у гетмана стольникъ Кипинъ съ государевою грамотою, что онъ побралъ многіе нѣмецкіе города, и они де о томъ весьма негодуютъ. А слыша де, что подъ тѣми нѣмецкими городами и государевымъ людямъ уронъ есть и они де о томъ радуются“.

Послѣ заключенія договора въ Семиградѣ союзники немедленно приступили къ исполненію своихъ плановъ относительно Польши. Рагоци оповѣстилъ

поляковъ грознымъ универсаломъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: „такъ какъ коронныя чины Рѣчи Посполитой чрезъ посредство своихъ великихъ пословъ предложили намъ съ извѣстными условіями польскую корону, то мы идемъ въ Польшу, чтобы нашею особою и нашими войсками успокоить смуты въ славномъ Польскомъ королевствѣ. Поэтому, считаемъ нужнымъ предупредить и предостеречь всѣхъ вообще, чтобы всякій, если ему дороги жена и дѣти, пожитки и имущество, по прочтеніи настоящаго универсала, какъ только мы приблизимся съ нашимъ войскомъ къ польскимъ предѣламъ, заблаговременно при- ставали къ намъ и такимъ, либо другимъ образомъ засвидѣтельствовали намъ свое благорасположеніе“.

Вслѣдъ затѣмъ, именно въ концѣ января 1657 года, Рагоци вмѣстѣ съ вспомогательными войсками господарей перешелъ Карпаты и вторгнулся въ Червонную Русь. Здѣсь къ нему присоединились 12 т. казаковъ подъ начальствомъ кievскаго полковника Антона Ждановича. Успѣхъ Рагоци въ началѣ войны, можно сказать, былъ блестящій: въ короткое время ему сдались города—Ярославль, Перемышль, Галичъ и др. Но имѣя незначительное войско, Рагоци, какъ рассказывалъ самъ Ждановичъ Желябужскому, не могъ оставлять въ нихъ гарнизоны, а бралъ только денежный оккупъ; это было причиною того, что эти города, какъ легко были завоеваны союзниками, такъ впослѣдствіи и легко были утрачены.

Между тѣмъ шведскій король Карлъ Густавъ вторгнулся въ Польшу съ другой стороны. Изъ Пруссіи, гдѣ его войска стояли на зимнихъ квартирахъ, Густавъ двинулся чрезъ Торунь, Петровъ и Радомскъ на соединеніе съ Рагоци, которое и произошло около Опатова (въ концѣ марта). Польскій король Янъ Казимиръ, узнавши о быстрыхъ успѣхахъ союзниковъ, ушелъ въ Силезію, а его войска, подъ начальствомъ Станислава Потоцкаго и Юрія Любомирскаго, не будучи въ силахъ сразиться съ непріителемъ, поспѣшно удалились къ Люблину. Большая часть Польши, вмѣстѣ съ Краковымъ и Варшавой, сдались Карлу и

Рагоци. Вслѣдъ затѣмъ союзники двинулись противъ Потоцкаго и Любомирскаго, но послѣдніе искусно избѣгали открытаго сраженія и издали смотрѣли, какъ польскіе города одинъ за другимъ сдавались побѣдителямъ. Карлъ Густавъ взялъ Брестъ и заставилъ жителей его присягнуть Рагоци, а самъ Рагоци, при помощи казаковъ запорожскаго войска, захватилъ Люблинъ, уже прежде завоеванный московскимъ царемъ. Но этимъ успѣхъ союзниковъ и ограничился: счастье повернулось на сторону Казимира.

Мы уже говорили, что во время семиградскихъ совѣщаній турецкіе послы не присоединились къ союзникамъ и отказались принять участіе въ войнѣ противъ Московскаго государства и Польши. Несогласіе турокъ много принесло вреда дѣйствіямъ и планамъ союзниковъ! Король Янъ Казимиръ, узнавши объ этомъ, немедленно отправилъ своего посла, пана Яскольскаго, къ султану съ просьбою о помощи противъ враговъ Рѣчи Посполитой. Посольство это имѣло полнѣйшій успѣхъ. Султанъ, столько разъ обманутый своимъ подданнымъ *), т. е. Богданомъ Хмельницкимъ, уже не надѣялся болѣе привлечь его на свою сторону и рѣшился дѣйствовать противъ него въ пользу поляковъ: онъ приказалъ крымскому хану двинуться на помощь полякамъ противъ Рагоци и его союзниковъ.

Въ мартѣ этого года умеръ австрійскій императоръ Фердинандъ III, а его преемникъ и сынъ Леопольдъ рѣшился принять болѣе прямое участіе въ судьбѣ Польши и немедленно отправилъ Казимиру 20 т. войска. Такимъ образомъ, поляки приобрѣли помощь, а союзники очутились въ критическомъ положеніи. Рагоци, завоевавъ Люблинъ, вооружилъ противъ себя московскаго царя. Еще въ октябрѣ 1656 года Алексѣй Михайловичъ чрезъ письмо объявилъ Рагоци, чтобы

*) Хмельницкій принялъ турецкое подданство еще въ концѣ 1650 года. Но въ 1654 г. онъ поддался московскому царю. Одинъ казакскій полковникъ по этому поводу сказалъ, что Хмельницкій одинаково обманываетъ и турецкаго султана и московскаго царя. Затѣмъ въ 1655 году Богданъ снова присягнулъ султану въ вѣрно-подданничествѣ.

онъ не обнаруживалъ враждебныхъ дѣйствій противъ Польши, союзника Московскаго государства, не помогаль ни шведамъ, ни татарамъ и послалъ ему даже подарокъ мѣховъ на 780 рублей. Рагоци отвѣчалъ, что онъ не вступалъ въ союзъ ни съ поляками, ни съ шведами, ни съ татарами противъ его царскаго величества; но находится только въ дружбѣ съ шведскимъ королемъ и желаетъ быть въ добромъ пріятствѣ съ Хмельницкимъ, съ которымъ уже заключенъ союзъ, скрѣпленный взаимною клятвою. Но извѣстія, привезенныя изъ Семиграда посломъ Волковымъ въ Москву въ февралѣ 1657 года, и завоеваніе Люблина обнаружило дѣйствительныя намѣренія Рагоци и его союзниковъ.

Въ началѣ іюля 1657 года Алексѣй Михайловичъ послалъ къ Рагоци новаго посла, дворянина Желябужскаго, съ письмомъ слѣдующаго содержанія. „Въ прошломъ 1656 году вы, Рагоци, писали государю, общались намъ служить и держать къ намъ пріязнь, однако вы не только не прислали къ намъ своихъ пословъ, но даже, соединясь съ непріителемъ нашимъ, шведскимъ королемъ, пошли на польскаго короля и взяли городъ Люблинъ, жители котораго уже давно присягнули намъ на вѣчное подданство. Мы послали къ вамъ грамоту, но вы, оставя ее въ презрѣніи и даже не объявивши намъ, пошли съ непріителемъ нашимъ шведскимъ королемъ на Польское королевство и теперь наступаете на княжество Литовское, которое уже стоитъ за нами“. Въ этомъ письмѣ Алексѣй Михайловичъ далъ понять Рагоци, что онъ вступится за Польское королевство, которое предложило ему корону и тѣмъ болѣе вступится за тѣ города, которые уже присягнули ему на вѣчное подданство. Московскій царь, упрекая въ вышеупомянутомъ письмѣ Рагоци за соединеніе его съ шведскимъ королемъ, вѣроятно, еще не зналъ, что трансильванскій князь завладелъ Люблиномъ при помощи войскъ Хмельницкаго.

Такимъ образомъ, замыслы союзниковъ о раздѣлѣ Польши неизбѣжно должны были рушиться: ибо имъ приходилось теперь вѣдаться съ татарами, турками, московскимъ царемъ, австрій-

скимъ императоромъ и еще съ Даніей, которая уже объявила войну Швеціи, по наущенію московскаго государя.

Завоеваніемъ Люблина и Бреста окончились успѣхи союзниковъ: они теперь начали терпѣть неудачи одну за другою. Карлъ Густавъ, получившій объявленіе войны со стороны Даніи, оставилъ въ концѣ мая Рагоци и поспѣшилъ на защиту своихъ собственныхъ владѣній. Вслѣдъ затѣмъ Рагоци получилъ еще двѣ непріятныя новости: во-первыхъ, онъ узналъ, что Любомирскій-вторгнулся въ его княжество и опустошаетъ тамъ все огнемъ и мечемъ и, во-вторыхъ, что австрійскія войска пришли на помощь полякамъ и уже осадили Краковъ. Это заставило его обратиться къ Кракову, но скоро онъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ Червонную Русь, ко Львову. Здѣсь случилась съ нимъ еще большая бѣда: казаки взбунтовались противъ своихъ начальниковъ, оставили ихъ и возвратились на Украину.

Наши историки совершенно невѣрно смотрятъ на участіе Хмельницкаго въ замыслахъ Рагоци и въ войнѣ его съ Казимиромъ. Они думаютъ, что гетманъ обманулъ трансильванскаго князя и въ рѣшительную минуту приказалъ своему войску оставить его на произволъ судьбы.

Но дневникъ дворянина Желябужскаго свидѣтельствуетъ совершенно противное. Впрочемъ, и, напечатанные уже источники, напр. нѣкоторые украинскіе лѣтописи, передаютъ дѣло иначе, чѣмъ рассказываютъ историки. Лѣтопись „Самовидца“ такимъ образомъ повѣствуетъ объ участіи Хмельницкаго въ войнѣ Рагоци съ Казимиромъ. „Гетманъ Хмельницкій, говорится въ этой лѣтописи подъ 1657 годомъ, сносился съ Рагоци и королемъ шведскимъ, желая того, чтобы Рагоци завладелъ польскою короною. Когда послѣдніе пошли на Польшу, то Хмельницкій выслалъ имъ на помощь казаковъ съ полковникомъ Антономъ, который, соединившись съ ними за Самборомъ, опустошилъ Польшу до самой Пруссіи. Но вскорѣ послѣ этого Рагоци и казаки потеряли поражение отъ Казимира и татаръ. Тогда Хмельницкій, будучи самъ въ это время боленъ, отправилъ на под-

крѣпленіе новое войско подъ начальствомъ сына Юрія; но казаки взбунтовались и, не слушая своихъ старшинъ, ушли на Украину.“

Это краткое извѣстіе „Самовидца“ свидѣтельствуется довольно ясно, что казаки оставили Рагоци не по приказанію Хмельницкаго, а самовольно.

Чтобы объяснить причину этого самовольства, мы должны обратить вниманіе на слѣдующее. Гетманъ уже давно разошелся съ народомъ; онъ вмѣстѣ съ писаремъ Выговскимъ и своими полковниками преслѣдовалъ совершенно инныя цѣли, цѣли, противныя желаніямъ и стремленіямъ черни и простыхъ казаковъ. Поэтому еще до соединенія съ Московскимъ государствомъ, ему пришлось слышать и видѣть не мало протестовъ и бунтовъ народа противъ своей политики. Послѣ 1654 года мѣщане, чернь и казаки, не испытывшіе еще тяжести воеводскаго управленія, остались облѣны или менѣе довольны господствомъ надъ ними московскаго царя и были далеки отъ измѣны ему. Но Хмельницкій не бросилъ своей вѣроломной политики; онъ рѣшился измѣнить царю и тѣмъ снова вызвалъ со стороны народа и простыхъ казаковъ протесты и бунты. Московскіе агенты единогласно доносили своему государю, что „гетманъ и начальные люди замышляютъ измѣну, но чернь и простые казаки не помогаютъ имъ на такую неправду“.

Богданъ Хмельницкій зналъ о несочувствіи простыхъ казаковъ его замысламъ; это видно изъ того, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ обману при отправленіи ихъ на помощь Рагоци: гетманъ объявлялъ войску, какъ говорили сами казаки Желябужскому, что онъ посылаетъ его по государеву указу для обереганія украинскихъ городовъ отъ нападенія татаръ.

Этотъ обманъ, какъ увидимъ ниже, дорого обошелся Хмельницкому.

П. Буцинскій.

(Окончаніе будетъ).

